

которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков, — словом, в виде языка»⁵.

Сказанное, разумеется, не означает, что сторонники второй концепции не понимают огромной роли категории отношения в лингвистике. Роль эта действительно очень велика. Ее обосновала наука нашего столетия. Весь вопрос, однако, в том, как следует понимать категорию отношения в языке и языкознании. В своей дискуссионной статье я попытался показать, что в науке наших дней имеются два противоположных истолкования самой сущности категории отношения.

Материя естественных языков человечества никуда не исчезла. Эта старая проблема, возникшая еще на рубеже XX в., теперь вновь приобретает аллободневное звучание во многих науках, в том числе и в лингвистике. Лингвистика не может изучать «отношения между языковыми системами», одновременно не исследуя материю (реальный состав) этих систем в процессе их функционирования. В противном случае действительно получается, что «во всех языках мы описываем один язык» — утверждение теоретически неясное, практически бесполезное. Думается, что именно здесь проходит водораздел между материалистической и идеалистической наукой о языке. Я не опасаясь применения этих ответственных терминов к такой гуманитарной науке, какой является языкознание.

Напрасны опасения некоторых специалистов (см. статью Л. А. Бондарко в дискуссии), что звуки речи «не заданы в речевом потоке как некая физическая реальность» (3, 256). Нет, они, разумеется, «заданы», но только осложнены функционально, осложнены постоянным взаимодействием фонетических и фонологических факторов. Поэтому Л. В. Щерба, один из самых крупных лингвистов-теоретиков нашего столетия, был глубоко и безусловно прав, когда постоянно предостерегал «против отрыва фонетики от фонологии» в процессе лингвистического исследования⁶.

«Современная лингвистика» отнюдь не монолитна. Она представлена разными направлениями, среди которых внимательный исследователь не может не выделить направления материалистические и направления идеалистические. Как бы ни старались отдельные лингвисты заглушать эти различия, иронизируя над ними, или подменить их «новым» противопоставлением — современные и несовременные направления (отождествляя вторые с «устаревшими взглядами» на язык), — глубокие философские расхождения в истолковании самой природы языка сохраняют всю свою остроту и в наши дни. К сожалению, не все понимают, что

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, т. 3, стр. 29. Между тем уже в 1958 г. другой мой оппонент, С. К. Шаумян, писал: «В корне изменяя понятие о конкретном языке как объекте исследования, структурная лингвистика выводит изучение физической и семантической субстанции конкретных языков за пределы науки о языке... Фонетика и семантика не имеют никакого отношения к языку как имманентному объекту исследования» (Шаумян С. К. Структурная лингвистика как имманентная теория языка. М., Изд. восточной литературы, 1958, стр. 23). Вся «беда», однако, в том, что без конкретной материальной субстанции не существует и не может существовать ни один язык, известный человечеству. Очень острая критика взглядов и метода С. К. Шаумяна дана во многих зарубежных работах, в частности, в специальной статье (Jüttner Fritz. Zum Transformationskalkül bei S. K. Saumjan. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1966, № 6, S. 497—513), в рецензиях: В. Холл (журнал «Language». London, 1964, № 3, p. 397—410) и Е. Федж (журнал «Lingua». Amsterdam, 1970, № 2—3, p. 259—260).

⁶ Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., Изд-во ЛГУ, т. 1, 1958, стр. 23. Обнаружив функциональную подвижность звуков языка, Л. В. Бондарко совершенно напрасно спешит объявить все «традиционные фонетические определения... с практической точки зрения неприменимыми» (3, 256). К сожалению, известная паника перед успехами техники свойственна отдельным ученым. Они готовы отказаться от самых лучших традиций. Между тем о хороших традициях прекрасно сказано, в частности, у одного из знаменитых английских писателей: «Композиторы-ультрамоделисты принимают сочинять музыку с молитвой: — О господи, только бы не сложилась мелодия!» (Голсуорси Джон. Собр. сочинений. М., Гослитиздат, 1962, т. 16, стр. 447). «О господи, только бы не походили наши определения на определения, уже сложившиеся в науке!»